

- Как вы сегодня живете, Михаил Сергеевич?

- Стараюсь выполнять заветы Иисуса - жить по-христиански.

- Ну и как - получается?

- Не очень. Я, правда, сознаю, где грешу, поэтому пытаюсь бороться с собой. Самый большой мой грех, и победить его труднее всего, - это гордыня... И еще мне очень сложно возлюбить ближнего своего. Если понимать под "ближними" своих родных, тогда все в порядке. Но если чуть подальше - уже сложно.

- Попробуй "возлюби ближнего своего", если "ближний" - пьяный хам, который пристаёт в аэропорту и слюняво объясняется в любви артисту Боярскому. Удивляюсь еще вашему хладнокровию...

- Я просто стараюсь этого "ближнего" не замечать. Но были случаи, например, когда вдруг спрашивают на улице: "Почему вы в шляпе?" или: "Почему вы без шляпы?" - и тогда все, что накопилось за полгода, выплескивается на этого несчастного. Правда, это бывает очень редко, когда с левой ноги встанешь. Я по характеру человек довольно сдержанный и не позволяю себе хамства в отношении людей. Хотя вообще-то однозначно считаю - на хамство надо отвечать хамством. Как будет подано, так будет и получено. И иногда это получается помимо моей воли. Не потому, что я сам дурак, а просто это реакция мгновенная, и я не могу ничего с собой поделать. Но я уже привык и умею скрываться. Знаю, куда нужно идти, ехать, где стоять, обедать, купаться... И лишнего шага не сделаю на публике. После спектакля, скажем, я обязан дать автограф, сфотографироваться, сделать мину и улыбнуться. Но вне работы пытаюсь особенно бурных проявлений народной любви избегать. И потом... так задубела кожа в отношении этих проблем, что я стал похож на носорога, и на меня могут садиться птицы - я их не чувствую.

- А как вы расслабляетесь?

- Я не расслабляюсь. Я очень чувственно зажат. Смена деятельности - театр, телевидение, гастроли - это и есть расслабление.

- Вы не собираете марки, не вышиваете крестиком?...

- Нет, нет. Очень люблю сидеть за рулем. И тогда я отключаюсь, голова занята лишь дорогой, и приезжаю на работу со свежими мозгами. Этого вполне достаточно. Бывает, что приходится играть и по 3 спектакля в день, и никаких проблем здесь не вижу. Это входит в профессию. Очень долго могу работать и делаю это с удовольствием. Говорят, что есть сейчас такое модное слово: "трудоголик". Я из этой породы людей, потому что всегда готов поменять любой отдых на работу. И делаю это за просто.

Документы и факты. - 1996. - июль (№ 9). Боярский как носорог... с. 16

Он практически не меняется. Во всяком случае - внешне. Длинный черный кожаный плащ, длинные волосы, неизменная шляпа. Только вот в глазах прибавилось грусти. Или мудрости?

- Что же вы, совсем не отдыхаете?

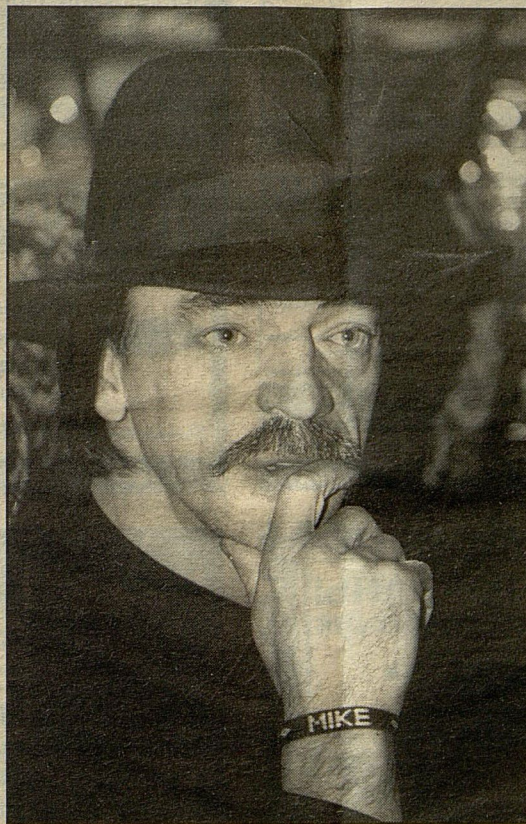
- В основном только думаю о том, как я могу отдохнуть. Например, могу поехать, куда угодно. Но поскольку я это могу, то зачем мне это делать? Моя мечта - отвезти дочку в Америку, в Диснейленд. Понимаю, что это для меня не отдых, потому что буду с ней мотаться по всем аттракционам, но лишит девочку нормального детства, о котором мечтают все дети на земном шаре... Тем более что я этого не получил. Сейчас могу себе позволить эту роскошь: отвезти дочку в Диснейленд. Дай Бог, чтобы она своих детей, если захочет, могла отвезти на Луну.

- Я знал, что вы страстный болельщик. А теперь и сами играете в футбол в команде звезд "Фортуна". Много вообще занимаетесь спортом?

- Нет. Да и футбол предпочитаю смотреть, хожу на все матчи "Зенита" по возможности, тем более что он в первой лиге, а сам играю редко. Вообще спортом никогда не увлекался. Но поскольку роли были такими, где нужно было быть ловким, ничего не оставалось делать, как добиваться этого. Считаю, что спорт и искусство - вещи несравнимые. Или - или. Спортивная актерская форма - это не ловкость рук, а состояние души. Спортивная форма может быть даже у Невинного. Просто актер внутри чувствует себя "на коне". А специально ездить на велосипеде, играть в теннис, плавать - это, конечно, хорошо. Но это не актерское занятие. Это уже погоня за престижностью. Если артист начинает классно играть в теннис, полагая, что от этого лучше играет на сцене, - пускай он это потом докажет. Я сам такого не видел.

- Что вы сейчас делаете - в театре, в кино, на эстраде?

- С театром вернулись с фестиваля из Праги. Собираемся в сентябре в Америку поехать, потом приступим к постановке нового спектакля... Вообще-то надеюсь, что к концу этого года или в начале следующего у меня будет своя площадка, откроется собственный театр. И можно будет подумать о русской классике... Два года на питерском телевидении мы делаем передачу "Домино". Пора уже менять форму или вводить какие-то новшества, потому что в сегодняшнем виде она себя изжила. Вот круг тех работ и проблем, в котором я варюсь, в которые я с удовольствием окунаюсь. Хотя, конечно же, мечтаю, чтобы работы было поменьше... А что касается кино - только что закончил работу, буквально несколько дней назад, в фильме "Королева Марго". Это восемнадцатисерийная

картина. Она уже шла в Нижнем Новгороде, Томске, Омске. А в Москве и Питере пойдет, наверное, в сентябре. Ну и в случае благоприятного стечения всех обстоятельств мы должны сделать последнюю серию "Мушкетеров", дать им достойно умереть, так, как написано у Дюма. Девять серий уже отсняли, нужна последняя, заключительная.

- Что вы еще не сыграли?

- На судьбу не жалею. Я не из тех актеров, которых можно назвать "везунчиками", но и в застой, и при демократах, и еще там при ком-то, кто будет, я играю те роли, которые игрались 300 лет назад и будут играть через 300 лет. Впустую времени не тратил, Петю, Васю, Семена не играл. Самая большая удача в моей актерской биографии - повезло сыграть во всех пьесах Вампилова. Это, пожалуй, наиболее интересный из современных авторов. Современный классик... Если говорить о Шекспире, Чехове, Островском, о "классических" классиках, то, пожалуй, я нахожусь в том возрасте, когда все роли еще впереди. Да, наверное, если все будет в порядке со здоровьем и свободой, самое интересное - впереди.

- Ваша биография была предопределена? В семье актеров ребенок мог стать только актером?

- Отчасти - да. Потому что среда обитания была актерская и, конечно, гума-

нитарная. Театр и кулисы повлияли. Я тогда был ленивым и мечтал о профессии, где ничего не нужно делать. И наконец нашел такую. Ничего не нужно, кроме того, что нужно знать текст. В этой профессии ведь действительно ничего не нужно делать.

- Есть такой актер, у нас или за рубежом, успеху которого вы бы завидовали?

- Зависть по отношению к актерам у меня отсутствует. Есть почитание, уважение, преклонение. В том положении, которое я занимаю на сегодняшний день, хотя бы по той работе, которую уже сделал, - можно спокойно выходить на пенсию и писать мемуары. То, что многого не умею, я знаю. Но с удовольствием учусь. С удовольствием наблюдаю за новыми работами отличных артистов, начиная от Де Ниро и кончая Табаковым, начиная от Козакова и кончая Аль Пачино. Но знаю, что все равно этого сделать не могу, как бы я ни был подготовлен. Все равно, как Евстигнеев, сыграть невозможно. Но я и не Евстигнеев. Завидовать можно только тому артисту, на которого хочешь походить. Хотя я очень люблю Высоцкого во всех его проявлениях, но быть похожим на него не хочу. Не из гордости, а потому что школа Станиславского такова. Меня так учили, что похожим быть - бессмысленно. Никому не нужен второй артист. Джигурда, наверное, мучается от того, что он похож на Высоцкого... Я, естественно, похож на своих родителей, на своего отца, брата. Наверное, у нас что-то было общее по амплуа с Андреем Мироновым. Одни и те же роли мы играли в театре и в кино. Возможно, что-то общее у меня и с Мишей Козаковым, но чисто внешнее. Так создала нас природа. Но мы разные люди.

- Кстати, как и Козаков, вы очень много курите... Одну сигарету за другой.

- То же самое и с алкоголем, и с женщинами, в общем, со всеми пороками, которые присущи мужикам... Я пытаюсь от многого отказаться или, по крайней мере, не быть таким максималистом во всем. Пытаюсь знать во всем меру. Вообще не пить тоже нельзя - это уже патология. Но и много пить - ужасно. Есть люди, которые могут выкурить в день 3 - 4 сигареты. Я им завидую, потому что сам выкуриваю 3 - 4 пачки в день. Если что-либо делаю, то делаю до конца. Плавать - то за буек, прыгать - так с 10-метровой вышки. Я всегда пытаюсь прыгать на ту высоту, на которую сегодня могу. Может быть, я раньше прыгал выше. Но всегда нужно - до предела, чтобы не осталось силы, чтобы, умирая, мог сказать: "Все силы были отданы именно этой роли". То есть каждый раз должен быть последним.

Игорь МОРЖАРЕТТО
Фото Бориса Кремера